

Москва

Муниципальная библиотека
г. Москва, ул. Петровка
101000

ДЕКАБРЬ
1995 *Р*

сама идея создания целого свода литографических портретов русских мыслителей, писателей, композиторов. В течение ряда лет появились портреты А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, И. В. Киреевского, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. П. Мусоргского, В. В. Розанова, М. М. Пришвина, А. Ф. Лосева, М. М. Бахтина и многих других крупнейших мыслителей России. Автор этой серии портретов, известнейший русский художник, график, мыслитель Юрий Иванович Селиверстов, назвал ее «...Из русской думы». Как отмечает критик Валентин Курбатов, каждое имя явилось в ней «не по произволу художника, а в тот час, когда случилась потребность именно в том оттенке истины, которой лучше всех выражен этим философом, писателем, поэтом». В последние годы эта серия стала широко известна.

Свою работу Юрий Иванович начал в то время, когда упоминание о Флоренском или Федорове, Бердяеве или Леонтьеве влекло административное наказание и сопровождалось наклеиванием ярлыка — «русский шовинист». Книга была готова к публикации уже в середине восьмидесятых годов. Но цензурный запрет на русское религиозно-философское наследие сделал невозможным ее выход в свет. Юрий Селиверстов не отчаялся и продолжал свою творческую и просветительскую деятельность. В конце восьмидесятых он становится одним из авторитетных знатоков истории русской мысли и культуры. Был не только знатоком, но во многом и истинным подвижником, постоянно возжигавшим и поддерживавшим огонь познания и веры. Трагическая смерть художника в 1990 году оборвала многие начинания.

В основе книги — портреты мыслителей и документы. Недаром сам Ю. И. Селиверстов дал своему труду подзаголовок — «Портреты отечественных мыслителей с письмами, статьями просто раздумьями, сложенные в книгу». Сама идея творческого взаимодействия, взаимодополнения литографических портретов литературными текстами, выполненная одним человеком оригинальна и своеобразна. Книга приобретает очень личностную, даже интимную окраску, ибо перед нами — авторское прочтение «...каждого из образов» того или иного мыслителя. Книга «Из русской думы» составлялась и творилась художником так: он читал философские,

религиозные и публицистические труды мыслителей; глубокое погружение в творчество писателей сопровождалось созданием графического портрета. И когда портреты были написаны, возникло желание вновь соединить зрительный образ мыслителя, писателя, поэта с литературным. Мы видим великолепные литографии Данилевского и Трубецкова, Есенина и Флоренского, Карсавина и Федорова. Мы слышим их голоса — через статьи, стихи и письма. Образ и Мысль соединились — обрели полноту творческого бытия.

Вся наша русская дума, говорит Валентин Распутин, «имеет не центробежный, а центростремительный характер. Русский философ обращается не к вселенной, а к отечеству, он ищет не эха, а восприятия, воспитания, восполнения, своего рода поглощения во имя самосознательного роста». Потому и главный предмет разговора книги «...Из русской думы» — судьба России.

Ю. И. Селиверстов назвал себя сложителем, предварив книгу собственным очень ярким и талантливым рассуждением о русской судьбе, услышанной и познанной в диалоге с великими русскими. Судьбе, которую отличала сила разума, веры и радостная энергия творчества.

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

ТЕРЯТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ

В. Любимов. Вглядываясь в лица домов и людей (Опусы краеведческой публицистики). Киров, 1995.

Эта книга необычна для провинции: резкая, напористая, разрушающая миф о вечном провинциальном благодушии. В ней собраны статьи сотрудника областного краеведческого музея и поэта Владимира Любимова за последние тринадцать лет. Но, издавая ее сейчас, автор ничего не «подправил». Не «сгладил» острых углов. И это оправдано — с тех самых пор ведь и наша культурная жизнь ничуть не изменилась к лучшему.

Книга написана о старой Вятке — но нет в ней беспристрастности историка-собирающего. Это именно краеведческая публицистика, ибо старый город для автора — живой, связанный культурно, социально и психологически с современным

человеком современного провинциального города. Каждый снесенный дом автор «провождает» как друга, расставание с которым больно и печально. Любимов и не скрывает своего пристрастия к Старинным Домам (за каждым из них — судьба купцов и ученых, священников, писателей и чиновников); не скрывает и антипатии к той Вятке-Кирову, где все большее место занимают безликие многоэтажки и особняки «новых толстых».

Вятка златоглавая почти исчезла: из семи соборов взорвано пять, из одиннадцати приходских церквей разрушено восемь.

Медленно угасает и Вятка деревянная. Построен, например, в городе художественный музей — один из лучших в российской провинции. Но для этого культурного заведения пришлось снести дом иконописца Н. А. Чернышова, первым заметившего талант В. Васнецова. В этом же доме будущий автор «Аленушки» и «Трех богатырей» встретился со ссыльным художником Э. Андриоли, ставшим учителем Васнецова. Рядом же располагался старейший кинотеатр «Коллизей», фойе которого декорировал известный художник Е. И. Чарушин. Снесли. В 1977 году. «Воистину, — печалится В. Любимов, — у нового музея солидное художественное основание». Музей нужен? Конечно, нужен. Но почему же при этом знаменитые здания прошлого приносятся в жертву?!

Глава о городских кладбищах — самая пронзительная в книге. На месте областной больницы раньше было Ахтырское кладбище, а в районе современного Дворца культуры им. 1 Мая — кладбище Богословское. Читая скорбные синодики, узнаешь, что на Ахтырском были похоронены ученик И. И. Шишкина — художник Н. Н. Хохряков, родственники братьев Васнецовых, брат академика Е. К. Завойского, тонкий знаток Вятки — историк Н. А. Спасский... И многие-многие другие, чьими трудами строилась земля вятская. Тут же были похоронены и революционеры — нигилисты разного толка. Казалось бы, уж к ним-то советская власть должна была

отнестись памятно. Однако на месте вятского Марсова поля, где поначалу хоронили погибших большевиков, — ныне находится стадион. Ахтырское кладбище срыли, закатали в асфальт. Правда, не без колебаний, так как была мечта превратить кладбище в парк культуры и отдыха — в 1959 году план одобрил архитектор Щусев, а утвердил НКВД. Могильные плиты растащили по городским дворам; скверик пожарной части, например, был «обустроен» могильными надгробиями.

Были времена, когда «так называемые любители старины», по определению партийной «Кировской правды», устраивали пикеты, писали обращения, пытаясь спасти старые дома. Теперь эти чистые порывы энтузиастов в прошлом. «Город обречен!» — вот диагноз статьи Владимира Любимова за 1992 год. А потому выпавшей на его долю судьбе — вести учет уничтоженному, порушенному, исчезнувшему — автор пытается противостоять стихами. Тут в небольшой подборке стихов, помещенной в конце книги, старая Вятка снова предстает в цветущей полноте жизни. Но и в стихах Любимов «срывается» в непоэтический, сугубо публицистический тон: «Сволочи! Что оставим тем, кто еще в утробах?»

Сердитая и горестная книга о любимом городе написана, безусловно, идеалистом, которых все меньше и меньше в культурной среде провинциальной интеллигенции. Он хочет сохранить старый город. И если до конца 80-х имена тех, кто причастен был к крушению царской России, а значит, и царевой Вятки, если их имена были хотя бы отчасти «охранной грамотой» для старых зданий, то сегодня и этого нет. Уникальные вятские деревянные «теремки» разрушаются; погибают остатки кремлевского городского вала — «глиняные горки»...

Эта книга необычна для провинции. Ее резкость, злость и желание заставить сограждан понять, что терять больше нельзя, — оправданы.

Артем МАРКЕЛОВ